

ГАСТРОЛИ НАШИХ ДРУЗЕЙ

СЛОВО БЛАГОДАРНОСТИ

Таково уж наше замечательное время: одно за другим следуют события, утверждающие величие преобразований, происшедших после Великого Октября. Прошел только месяц знаменательного 1970 года — года столетнего юбилея со дня рождения В. И. Ленина, и мы опять стали свидетелями ярчайшего проявления мудрой национальной политики партии, созданной великим вождем. Мы увидели демонстрацию нерушимой дружбы между советским и монгольским народами. Такой демонстрацией явились выступления народного артиста Монгольской Народной Республики Гомбосурена в роли Отелло на сцене нашего осетинского театра.

Это для нас большое событие и большое торжество. К нам приехал желанный гость. Но восторженный прием, который ему оказан, — это не только проявление извечного кавказского гостеприимства — это слово благодарности его яркому и самобытному таланту. А в том, что он именно такой, мы убедились на первом же представлении, ибо «Подлинное искусство всех народов и веков понятно всему человечеству», — сказал Станиславский.

Именно образцом такого подлинного искусства, на наш взгляд, и является образ Отелло, созданный Гомбосуреном. Современный театр знает немало замечательных исполнителей этой труднейшей в мировом репертуаре роли. Но Отелло — Гомбосурен, — это необычное, даже неожиданное и совершенно своеобразное решение. Смелое, очень смелое решение, в основе которого — человек. Не прославленный генерал, не выдающаяся личность и государственный деятель с незаурядным умом и всеиспеляющим темпераментом, а просто человек по имени Отелло. Один из мно-

гих действующих на сцене людей.

Это не моноспектакль, в центре которого монументально возвышается могучий Отелло, пьедестал которого верно и методично подтачивает коварный Яго, а вокруг бледный антураж из обычных смертных. Нет, это потрясающая трагедия одного из этих же смертных, которым мог бы быть даже любой из сидящих в зале. Вот почему велика сила воздействия Отелло — Гомбосурена на современного зрителя. Вот почему нас так волнует его удивительная простота, душевное тепло, бездонная человеческая доброта и бесконечная вера в людей с самого начала.

Перед нами само воплощение нравственной чистоты и справедливости. После первых же сцен он становится нам близким — близким! Спокойная, мягкая поступь, уверенный взгляд, чудесная покоряющая улыбка и мысль, мысль, мысль. А как он умеет любить! Он не пользуется никакими броскими красками, нет здесь и эффектных мизансцен, наоборот, все приглушено, все как-то сдержанно, но какой это океан невысказанных чувств!.. А то, что высказано, — это музыка, тонкая и нежная лирика, высокая поэзия. Монолог перед сенатом в исполнении Гомбосурена звучит, как поэма о любви. Кто бы мог устоять против такого стремительного каскада чувств, исходящих из самых глубин души? Пожалуй, никто!

И тем более становится страшно, когда рушатся такие чувства, такая беспредельная вера в людей, в жизнь! Отелло не может понять этого несоответствия. Вспомните, как он внимательно вглядывается в глаза Яго, когда тот начинает расставлять свои сети. «Не шутит ли он? Возможно ли такое? Нет, нет...» И раз-

ражается хохотом, упрекая себя даже за секундное сомнение. Ему не хочется верить, а поверив — он вступает в смертельную схватку со злом, всем нутром восстает против несправедливости и предательства... Его мучают страшные сомнения, он испытывает нечеловеческие муки — и не только от того, что усомнился в чистоте Дездемоны. Нет, произошло гораздо большее — произошла катастрофа в его представлении и понимании мира.

Слушая Гомбосурена, не нужно знать монгольского языка, чтобы понять: приговор Дездемоне произнесен... О, как мучительно трудно его произносить... Жизнь Отелло кончилась тем же приговором.

Невозможно забыть уход Отелло — Гомбосурена после этой сцены. А последний акт...

Убийство Дездемоны... Актер говорит мало, тихо, а иногда шепотом. Но этот шепот ранит человека, проходит

через его сердце... Вот Отелло свершил свой чудовищный приговор. Проходит несколько минут — и ему раскрывают глаза на его ошибку. Отелло — Гомбосурен замирает, потом из его груди вырывается, как стон: «Дездемона!» А сколько сказано! Говорят, слово «Дездемона» по-гречески означает «несчастная». Да, Отелло сейчас кричит, просит прощения у несчастной, ставшей жертвой интриг и борьбы общества, в котором царит хаос. Вдруг лицо Отелло просветляется. Почему? Ведь это он убил ее! Убил ту, которая, бросив вызов обществу, отдала свою любовь ему — мавру? Да, но он узнал, что это было правдой и осталось правдой — она чиста! Она невинна! На лице актера одно выражение сменяется другим: радость, мучительное раскаяние и любовь, ненависть и обуравляющая жажда мести, и наконец, спокойствие, в чем-то даже величественное, спокой-

ствие человека, принявшего решение огромной важности. Да, решение принято: в обществе, в котором торжествует зло, не может жить Отелло!

Станиславский говорил, что Шекспира можно играть 5—10 минут на чувствах. Остальное — на технике. Трудно сказать, чего больше у Отелло — Гомбосурена, чувства или техники. Думается, что здесь счастливое сочетание того и другого, в результате чего он производит неизгладимое впечатление на зрителя. За это и хочется сказать слово благодарности талантливому актеру и доброму другу Гомбожавину Гомбосурену.

Д. ТЕМИРЯЕВ,

театровед, заслуженный артист Северо-Осетинской АССР.

На снимке: сцена из спектакля «Отелло». В роли Отелло — народный артист Монгольской Народной Республики Гомбосурен; Дездемона — артистка З. Галазова.

Фото Г. Казиева.

...И СТИРАЮТСЯ ГРАНИЦЫ

Мы все очень волновались в эти дни: волновалось руководство театра, актеры, администрация, волновались зрители; какой она будет — встреча с новым исполнителем роли Отелло, народным артистом Монгольской Народной Республики Гомбосуреном на сцене осетинского театра, где уже тридцать лет эту роль талантливо играет выдающийся актер, народный артист СССР В. Тхапсаев. И вот настал день спектакля. Открылся занавес, и в бессмертной творении Шекспира слились в органичном ансамбле два языка — монгольский и осетинский, слилось мастерство наших артистов и мастерство нашего гостя, слилось предельно обостренное внимание друг к другу, желание щедро отдать своему партнеру все, что каждый имеет. И мы стали свидетелями очень интересного творческого события.

Стремительный, взволнованный, словно окрыленный своим чувством, вышел Отелло-Гомбосурен на сцену. Легкие белые одежды подчеркивали приподнятость его настроения, и зритель сразу же увидел мир добра и счастья этого человека. «Я люблю!» — говорили глаза. «Я люблю!» — читалось в улыбке. «Я люблю!» — сообщали легкие, нежные руки. И этот лиризм заполнил сцену, распространился на всех, оправдывая слова дожа, обращенные к Брабанцио:

«...Ваш темный зять в себе сосредоточил столько света, что чище белых, должен вам сказать».

От сцены к сцене раскрывалось многообразие образа Отелло в очень точной логике, в интересном внешнем рисунке.

Актер внимателен в оценке окружающих. Уходят сенаторы один за другим. У Отелло-Гомбосурена совершенно разное отношение к ним, разная степень симпатии. Он традиционно прощается с ними, поднося руки ко лбу, сердцу, склоняя голову, но каждый поклон имеет свои оттенки. Вот один из сенаторов проходит мимо, не ответив на поклон Отелло. Гомбосурен застыл на мгновение, недоумевая: «Разве можно порицать меня за мое счастье?». Это — мгновение, но подобных мгновений и подробностей в роли много, и они создают правду образа, его глубину и тонкость. В начале спектакля актер движется широко, свободно, плавно. Цвет его одежды белый и торжественный. Но вот захлопнулась западня, расставленная Яго, и ревность связала мавра. Жест, шаг, движение стали скупыми, осторожными, настороженными; гуще и темнее цвета костюмов, доходя в последней картине до алого.

«Гляди, я дую на свои ладони И след любви с себя, как пух, сдуваю» — говорит Отелло-Гомбосурен

Яго, протянув вперед руки, и

вся прозрачность, чистота счастья уходит, уступая место мучительному подозрению.

Когда смотришь «Отелло», всегда ждешь, как будет решена знаменитая сцена с платком. Мне довелось видеть в этой роли многих известных исполнителей — народных артистов СССР Папаяна, Хораву, Мордвинова, Тхапсаева, и каждый, в соответствии со своим решением, со своей индивидуальностью находил неповторимость этой сцены. Своеобразное решение и у народного артиста Монгольской Народной Республики Гомбосурена. Увидев Дездемону, Отелло привлек ее к себе, долго глядит в глаза, не желая верить в ее неверность...

«...Береги платок Заботливее, чем зеницу ока. Достанься он другим иль пропади — Ничто с такой бедою не сравнится!» —

просит, молит он... И потом, как бы ужаленный подозрением, отворачивается. Протянув руку, требует: «Платок!» Почувствовав в своей руке платок, он разрывает пути ревности, смеется над своей глупостью, целует руки Дездемоне, прося прощения. Вернулось счастье! Он отходит от

Дездемоны, издала любуется ею и, взмахнув платком, как бы приветствуя свое возвращение к счастью и покой, замирает, потрясенный: платок не тот! Актер долго смотрит на него, потом переводит взгляд на Дездемону, и с криком — «Прочь с глаз моих!» — медленно, снова раздавленный ревностью, небрежно волоча за собой белоснежный халат, уходит со сцены.

Очень тактично проводит Гомбосурен последнюю сцену. Решение принято, Отелло должен выполнить «свой долг»:

«Она умрет, чтоб больше не грешить!».

Большая внутренняя сосредоточенность, очень скупой, экономный жест... Отелло бонс распыскать то, что наполняет его в эту минуту. И вдруг он увидел Дездемону...

«О, чистота дыхания! Пред тобою Готово правосудие онеметь... Еще, еще раз...» — и пролилась чаша нежности, он целует и ласкает спящую Дездемону... «Я плачу и казню...».

Дездемона проснулась — и вновь окаменел Отелло, он вершит свой долг бесстрастно, механически. Актер не «рвет страсти», не кричит, не стонет; он действует точно, спокойно, и это еще больше подчерки-

вает трагизм. «Кончился тот, кто прежде был Отелло!».

Лишь поверив в невинность своей любимой, он вновь возвращается к жизни. И, умирая, Отелло возрождает себя. Выхватив кинжал, он, спиной к зрителю, пронзает им себя, и потянув за собой алый, атласный плащ, подымается к Дездемоне, чтобы навсегда замереть у ее ног.

На этом спектакле мы встретились с очень интересным, зрелым, умным мастером, который во многом раскрыл нам новые стороны образа Отелло и в то же время рассказал о своем народе, внеся своеобразную пластику, изысканный жест, свой национальный колорит в исполнение этой роли.

Удивителен язык искусства! Он обладает чудесным магическим действием, сближая века, делая нашими собеседниками Эсхила и Еврипида, Шекспира и Пушкина, Мольера и Бомарше! Он стирает границы национальностей и не нуждается в переводе, если талантливо рассказывает о судьбе Человеческой — судьбе народной!

В. ХУГАЕВА,

заслуженная артистка РСФСР, актриса республиканского русского драматического театра.